

УДК 398.222:130.2

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

В. Н. Яхно

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Анализируются мифологические и фольклорные сюжеты славянских народов и их роль в формировании ментальности. Особое внимание уделяется принципу бинарности основных образов самобытного стиля мышления восточных славян.

Изучение ментальности создает возможность заглянуть вглубь общественного сознания и почувствовать умонастроение той или иной эпохи, попытаться более объективно оценить духовную атмосферу, так как проблема интерпретации современниками истории и культуры, особенно отечественной, всегда актуальна.

Однако в любую эпоху совокупность как традиционных, так и современных и постмодерных общностей любого социума переживает необходимую трансформацию культурной идентичности, национального самосознания, ментальности. Последние годы многие социокультурные феномены получают скорее политическую, нежели социально-философскую окраску и характеристику. Однако, в отличие от политических событий именно коллективные представления людей, их мотивы и намерения формируют в обществе картину мира, создают целостные образы жизни человека. В то же время, в отличие от постоянных и стремительных политических перемен, изменения ментальности всегда медленны и малозаметны. Возможно поэтому некоторые эпохи так «затягиваются».

Самопонимание и самоидентификация культурной общности всегда проявляется во внеисторических канонах – в фольклорных сюжетах, в мифах, которые находят место в сознании любого этноса и конкретного человека. Знаток мифологии, философ А. Ф. Лосев писал: «Миф – есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [1, с. 73]. А великий психолог XX в. Карл Густав Юнг сравнивал мифологию с отсеченной головой Орфея, которая и после смерти продолжала петь, и это пение было слышно во многих землях. Мифы, утверждал он, подобны музыке и являются обязательной частью жизни народа, так как всегда были определенной формой самовыражения, мышления и формой жизни. При этом ментальность как совокупность устойчивых духовных установок, надежд, предрассудков, и, в конце концов, материальных интересов – все это лишь «архаические остатки», присутствие которых «не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных врожденных и унаследованных источников человеческого разума» [2, с. 15]. То есть ментальность коренится и формируется уже благодаря существующим символам, суевериям и надеждам. Конечно, в отличие от архетипа ментальность ограничена особенностями исторического времени, его социокультурными возможностями и нравственными образами.

Устойчивыми архетипами, подвергающимися мифологизации, являются образы власти и безвластия (смуты). Социальная мифология именно в лице власти и в связанном с ней характере традиционного государства обнаруживает наибольшую абстрагированность функций, дуализм образов: либо стихия неограниченной и, зачастую, преступной свободы, безвластия, либо сильная власть. В этих многогранных по содержанию понятиях просматривается и дохристианская архаичная культура рода раннегосударственных пантеонов и сакральный образ древневосточного царства, и симфонический универсализм священной империи. В ментальной истории восточных

славян эти архаические образы входят в сложное взаимодействие, проявляя себя не только в рамках древней истории, имперского, но и большевистско-советского периода.

Основные элементы мифологического мировосприятия славян, опирающиеся на двоичные оппозиции, как правило, персонифицируются: им даются имена, гендерные, цветовые и другие характеристики. Среди них: Доля и Недоля (Лихо), Горе (Печаль) – Радость (Счастье), Правда – Кривда. Общеславянское Бог, имеющий бога, долю, богатый. И Убогий, Небога (украинский – несчастный, нищий) и многие другие. Все они формируют социальные, этические, пространственно-временные и иные противопоставления, которые ярко характеризуют латентные установки, автоматизмы, долговременные стереотипы, в конечном итоге, особенности славянской ментальности.

Бинарный принцип противопоставления благоприятного и неблагоприятного для социума в коллективных образах ярко представлен в старинных преданиях о Правде и Кривде. В противоборстве этих двух жизненных позиций содержатся глубокие аксиологические установки, которые по-прежнему актуальны. Укоренившись в мифологии, пройдя через века, они стали частью современного менталитета. Эти феномены соотносятся с понятием Доли (судьбы). «Правда» в традиционном обществе олицетворяет необходимое соответствие моральным нормам и церковным установлениям. Оттого для «простого люда» при внешнем первенстве Кривды и их постоянной борьбе, победа все-таки остается за Правдой. Упоминающиеся в мифах и сказках формулировки «Какая нонче правда?» или «В наше время лучше жить кривдой» констатируют восприятие жизни как несправедливой и подчеркивают свойственное ментальности и мифологическому сознанию размежевание «прежних времен», когда все было как должно, правильно и проблемной, сложной современной жизни. Разграничение праведного и неправедного, соотнесенных с разными мирами, ярко представлено и в поговорках: «Правда у Бога, а кривда на земле», «Правдою жить от людей отбыть, а неправдою жить, Бога прогневить». Однако последнее слово за правдой: «Где правда, там и счастье», «Правда избавляет от смерти», «Праведна мужа не одолеет нужда», «Кривдою свет пройдешь, да назад не воротишься».

Двоичная оппозиция обязательна и при осознанном восприятии феноменов Доли, Судьбины или южнославянской Сречи. С одной стороны, это судьба прирожденная, сужденная, с другой, судьба «случайно наваянная», встреченная. Она соответствует отрицательному образу Злой Судьбы, Недоли, Судьбины, Горю, Обиде, Кручине. Славяне не оформили понятия абстрактного Фатума, но имели бытовую форму представлений о судьбе, которая начиналась с момента рождения и была связана с родом, дедами, культом предков. Долю определял Род, которому в старину обязательно делались подношения. В настоящее время так принято воспринимать сменившего Род Домового, который может быть в печи или у очага, также как и злыдни, Недоля, Горе, Нужда, Лихо, Кручина. Следующее причитание белорусской девушки рассказывает о Доле как владелице («подательницы») счастливой судьбы: «Добрая доля, да иди за мной з печи пламенем, з хаты камином». А в северорусских причитаниях слышен суровый образ Судьбины: «Знать Судинушка по бережку ходила, страшно-ужасно голосом водила... До суженых голов да добиралась... Их судинушка голов да вовзыскала» [3].

Архетип Горя-Нужды, Недоли, безусловно, один из самых распространенных дискурсов как традиционной, так и современной культуры. Это, как правило, антропоморфный образ. Нередко это красивая, но беспутная женщина или наоборот: старая, тощая, высокая. Горе порой имеет и цветовую характеристику: «Радость красна, горе серо». Если судьба (доля) дается человеку при рождении, то Горе может оказаться рядом в любое время, каждый момент нашей жизни и по разным причинам. И в древности, и в настоящее время Горе (нужда, тоска-кручина) встречаются в различных фольклорных жанрах: от сказок, заговоров, обрядовых песен до лирических, свадебных и

похоронных причитаний. Олицетворение образа Гора иногда формируется, благодаря приписывания ему ряда человеческих свойств, и это часто приводит к новым образам, например, ленивой Доли или вечно голодной Смерти, пожирающей людей. Действительно, многие черты Гора очень близки образу Смерти: избавиться от Гора невозможно, если оно привязалось к человеку, то доведет его до полной нужды. Оно, как и смерть, «сидит в головах», «идет за гробом с лопатой» – принадлежностью Смерти. Горе, как и Смерть – бессмертно: «... А твое горе не тонет, от часу-то горе копится, великова прибавляется...» [4]. Вместе с тем Смерть – это и начало нового существования, идея непрерывности, круговорота жизни и смерти. Эти две противоположности обеспечивали баланс бытия.

В заключении следует отметить: славянские народы имеют самобытную, яркую, насчитывающую тысячелетия историю и содержательную мифологию. В древности мифологическое сообщение решало важнейшую задачу сделать мир для человека более понятным и упорядоченным, миф выступал как основное коммуникативное средство, был инструментом влияния. А далее, сквозь века, весь путь цивилизационного становления общественной жизни, фольклорные сюжеты выполняли функцию социализации индивида, воспитывая у него необходимые качества для жизни в социуме. Связующая и воспроизводящая функции мифологии позволяли поддерживать традиции, ценности, нормы. И сегодня сказки, былины корректируют коллективные настроения, формируют единство аксиологических установок и ментальности народа. Миф – это вера в реальность происходящего, и он не только информирует, но и мотивирует. Миф не исчез, компоненты мифологии как архетипа обнаруживаются в современном искусстве, религии, науке, политике, медиапространстве. Он определяет нашу самобытность, стиль мышления и действий, независимо от того, осознается это нами или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, А. Ф. Миф – Число – Сущность / А. Ф. Лосев / сост. А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1994. – 919 с.
2. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов : пер. с англ. / К. Г. Юнг. – Киев : Гос. биб-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.
3. Веселовский, А. Народные представления славян / А. Веселовский. – М. : АСТ, 2006. – 667 с. – (Philosophy.).
4. Русская мифология : энцикл. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 784 с. – (Тайны древних цивилизаций.).